

Глава 5

Инь Минчжэн: «...»

Инь Минчжэн: «...»

Он то открывал, то закрывал рот, совершенно не зная, что сказать.

Если оставить в покое инопланетное происхождение Ши Цина и его неопределённую половую принадлежность, одного лишь юношеского облика было достаточно, чтобы Инь Минчжэн почувствовал себя последним грешником.

В конце концов, распластанный на полу и придавленный чужим весом, он задал вопрос, терзавший его душу:

— Ты вообще... совершеннолетний?

— Совершеннолетний? Что это значит? — искренне удивился Ши Цин.

— Я имею в виду — сколько тебе лет? — мужчина, преодолевая сопротивление, сумел немного приподняться и опереться на локти.

К счастью, после нескольких сеансов «силовой тренировки» под тяжестью этого живого пресса его тело стало чуть выносливее. И хотя скинуть Ши Цина по-прежнему не получалось, он хотя бы мог шевелиться.

Но стоило ему сделать пару движений, как он почувствовал, что юноша сверху снова «прибавил в весе».

Затем раздался звонкий, горделивый голос Ши Цина, словно он ждал похвалы за своё достижение:

— С момента моего рождения прошло примерно пятьдесят с лишним тысяч лет.

Инь Минчжэн опешил:

— Ты же только что сказал, что едва родился?

— Ну да, — Ши Цин сидел на мужчине с самым невозмутимым видом, продолжая вдохновенно сочинять на ходу. — Время для Механической расы не имеет значения. После рождения я бороздил просторы вселенной вместе со своей свитой из механизмов в поисках новой планеты.

И пока не нашёл Голубую звезду, я не проявлял никакой активности. Так что можно сказать, что я едва родился — и в этом не будет лжи.

Герой человечества, привыкший во всём искать логику, тут же зацепился за слабое место в его словах:

— И сколько лет ты уже находишься на нашей планете?

— Если считать по вашему времени, то примерно неделю.

Руки Инь Минчжэна бессильно подогнулись, и его затылок с глухим стуком приземлился обратно на пол.

— В таком случае — ничего не выйдет.

Он заговорил строгим, почти официальным тоном:

— У нас на Голубой звезде возраст отсчитывается с первого дня пребывания в этом мире. Раз ты здесь всего неделю, значит, по нашим меркам ты ещё сущий младенец.

Ши Цин, как и ожидалось, впал в полное замешательство. Он слегка склонил голову набок, хлопая глазами:

— На вашей планете я — младенец?

Глядя в эти чистые, невинные глаза, Инь Минчжэн испытывал крайне противоречивые чувства. Он и сам не понимал, чего в его душе сейчас больше: неловкого раскаяния за обман «ребёнка» или ликования от того, что он наконец нашёл способ спастись.

Технически он даже не солгал. Дети на Голубой звезде действительно считали свои годы с момента появления на свет.

Сохраняя на лице выражение предельной серьёзности, Инь Минчжэн отчеканил:

— Именно. А по нашим законам заниматься любовью можно только с восемнадцати лет. Детям это категорически запрещено.

— Вот оно как...

Юноша на мгновение задумался, а затем покладисто кивнул:

— Ладно. Раз ты мой суженый, я тебя послушаю.

Но не успел Инь Минчжэн перевести дух, как ладонь Ши Цина легла ему на грудь, поверх кителя. Лицо юноши вновь приняло упрямое выражение:

— Раз нам нельзя заниматься любовью, давай хотя бы выполним вашу процедуру притирки деталей. Это ведь не запрещено?

— Я не брезгую твоими деталями, так что и ты не смей брезговать моими.

Услышав это безапелляционное заявление, Инь Минчжэн потрясённо распахнул глаза. Он рванулся в сторону, пытаясь оттолкнуть пришельца:

— Нет... м-м-м!

Он сопротивлялся изо всех сил, на его руках вздулись вены, а мышцы, скрытые под одеждой, напряглись, наливаясь мощью. Однако тонкие и изящные пальцы Ши Цина с непостижимой силой прижали его запястья к полу.

Спустя пару минут Ши Цин выпрямился и с абсолютно довольным видом поднялся на ноги.

А герой человечества так и остался лежать в оцепенении, не в силах осознать произошедшее. Он безучастно смотрел в потолок, пока Ши Цин, стоя над ним, не слизнул влагу с губ с видом истинного гурмана.

— Теперь понятно, почему на вашей планете существует такая процедура, — пробормотал многотысячелетний «младенец», — это и впрямь очень приятно.

Завершив свою дегустацию, Ши Цин присел на корточки перед всё ещё пребывающим в прострации Инь Минчжэном и деловито предложил:

— Давай с этого дня будем проводить такую процедуру ежедневно. Пока мне не исполнится восемнадцать по меркам Голубой звезды.

Суровый лидер, за всю свою долгую и праведную жизнь ни разу не позволявший себе подобных вольностей, только что лишился своего первого поцелуя. Он тупо смотрел на юношу, в чьём облике торжествующее удовлетворение странным образом сочеталось с кристальной чистотой и безграничным доверием.

Мужчины всегда по-особенному смотрят на тех, с кем разделили подобный интимный момент. После этой внезапной «притирки деталей» Инь Минчжэн впервые по-настоящему осознал, насколько необычайно красив Ши Цин.

Ему доводилось видеть в лагерях выживших хрупких и миловидных юношей. И пусть они не могли сравниться с ослепительным сиянием Ши Цина, до вторжения инсектоидов такая внешность обеспечила бы им толпы фанатов и блестящую карьеру в кино.

Но в нынешнем мире, где ценилась лишь грубая сила, подобные создания — неспособные ни сражаться с Жуками, ни выполнять тяжёлую работу — были обречены. Они становились лишь дорогими игрушками, запертыми в золотых клетках на потеху своим покровителям.

Когда-то Инь Минчжэну предлагали такую «певчую птицу», но он наотрез отказался, заявив, что подобные пустяки его не интересуют.

И вот теперь он сам оказался прижат к полу этим тонким и с виду беззащитным юношей, вынужденный терпеть его настойчивые попытки познать чужую физиологию.

Внезапно — вспышка!

На его мужественном лице, наконец-то осознавшем всю неловкость ситуации, проступил густой, жаркий румянец.

[Дзынь! Уровень отторжения Инь Минчжэна: 97/100]

Наблюдавшая за этой сценой Система, видевшая, как Инь Минчжэн пытался перехитрить Носителя, а в итоге сам угодил в ловушку, стойчески активировала полнофункциональный фильтр «Цензура». Теперь её восприятие автоматически блокировало любые сцены, не предназначенные для детей младше трёх лет, заменяя их густой мозаикой.

Заодно в магазине Главного управления она скачала пособие: «Как наладить доверительные отношения со своим Носителем».

С некоторым душевным трепетом она открыла первую страницу.

Ши Цин как раз поинтересовался:

«И зачем ты это купила?»

Система, строго следуя рекомендациям пособия, торжественно провозгласила:

«В этот скорбный час одна невинная Система безвозвратно почилла. Её уход был мучителен. Я купила это, дабы спасти то, что осталось от её цифровой души»

«Если Носитель соизволит меня утешить, я по-прежнему останусь вашей любящей и преданной

Системой...»

Ши Цину всё чаще казалось, что интеллект его помощницы стремительно деградирует.

Поколебавшись пару секунд, он всё же решил проявить сочувствие:

«Мои соболезнования. Мне заказать венок к твоей базе данных?»

Система, ожидавшая, согласно пункту «Носитель в тревоге и смятении начнёт справляться о вашем самочувствии», замерла. Она молча удалила пособие.

«Ничего страшного»

«Не стоит обращать внимания на такие мелочи»

«Лишь бы Носитель безупречно выполнял задания... (плачущий_смайлик.jpg)»

Инь Минчжэн вскоре осознал, что с того памятного дня Ши Цин превратился в маленького хищника, который не спускал с него голодных глаз.

Инь Минчжэн проголодался? Сначала притирка деталей.

Он хочет спать и не желает развлекать гостя? Сначала притирка деталей.

Генерал просит убрать из комнаты навязчивых андроидов? Сначала притирка деталей.

Соппротивление было бесполезным. Этот пятидесятитысячелетний «младенец» запросто прижимал его к полу, к стене, к кровати или даже к панорамному окну, устраивая «стенной напор» во всех возможных вариациях. И только когда взрослый мужчина, густо краснея от стыда, наконец уступал, Ши Цин с довольным урчанием отпускал свою добычу.

Инь Минчжэн не раз пытался воззвать к его чувствам, надеясь, что Ши Цин поможет Голубой звезде в качестве его суженого, но неизменно получал решительный отказ.

— Механическая раса никогда не помогает другим видам, — отрезал инопланетный юноша.

После этого, сколько бы Инь Минчжэн ни убеждал его, Ши Цин только демонстративно затыкал уши. Более того, подобные предложения заставили его настроиться: он принялся

ревностно оберегать своего пленника, обеспечивая его всем необходимым в пределах комнаты, но категорически запрещая её покидать.

На третий день после того, как Ши Цин «закончил просмотр» сериалов, он появился в комнате ранним утром, когда небо за бортом едва начало светлеть. Юноша привычным жестом юркнул под одеяло к Инь Минчжэну.

Стоило ему оказаться внутри, как он тут же понял: мужчина лишь притворяется спящим.

За годы войн с инсектоидами тот привык просыпаться от малейшего шороха. Его инстинкты были отточены до предела, так что он никак не мог проигнорировать появление Ши Цина.

Ши Цину было всё равно. Он поудобнее устроился в объятиях Инь Минчжэна и поднял голову, изучая его лицо.

«Кожа — отличная, — Ши Цин принялся анализировать ситуацию вместе с Системой, глядя на мужчину сквозь полуприкрытые веки. — Эмоциональная отдача — на высоте, упругость — выше всяких похвал. А ресницы-то какие длинные... Настоящий красавец»

«Смотри, он опять краснеет. Как же мне нравится его вечное смущение и неспособность дать отпор»

С этими мыслями Ши Цин с тихим смешком придвинулся к лицу мужчины.

Система, чьё восприятие было скрыто за плотной мозаикой, с невозмутимостью буддийского монаха принялась скачивать сборник «Триста детских песенок».

А Ши Цин тем временем, точно ласковый, но властный котенок, продолжал свою экспансию. Даже когда его механизмы получили желаемую порцию внимания, он не спешил отстраняться, настойчиво прижимаясь всем телом к Инь Минчжэну. Он не успокоился до тех пор, пока мужчина, не выдержав такого напора, наконец не открыл глаза.

Несмотря на частоту подобных встреч, Инь Минчжэн так и не научился воспринимать их спокойно. Каждый раз он чувствовал себя нелепо и скованно, теряясь под натиском этого странного существа.

Ши Цин был вполне доволен своей ведущей ролью, но, учитывая, что за три дня уровень отторжения снизился всего на пять пунктов, решил немного поддаться.

И вот, когда мужчина, окончательно смутившись, замер подобно каменному изваянию, позволяя Ши Цину делать что угодно, юноша внезапно остановился. На его лице проступило явное недовольство.

— Почему ты никогда не участвуешь в процессе? — капризно спросил он. — Я один выполняю всю программу. Ты что, решил свалить на меня всю работу?

Инь Минчжэн мог без тени страха смотреть в глаза колоссальным маткам инсектоидов размером с небоскрёб.

Мог без колебаний бросаться в бой против многоглавых чудовищ.

Мог в одиночку сдерживать легионы низших Жуков, которым не было конца.

Но сейчас, под пристальным и обиженным взглядом подростка, его решимость таяла.

Возможно, дело было в том, что Ши Цин впервые за свои пятьдесят тысяч лет открыл для себя этот аспект бытия. Каждый раз он бросался в атаку с пугающим рвением, точно молодой леопард, который сначала загоняет добычу, а затем начинает её нежно, по-детски покусывать.

Для «добычи» эти укусы не были болезненными — скорее они напоминали ласку. И теперь этот маленький хищник требовал, чтобы добыча начала кусаться в ответ.

Инь Минчжэн чувствовал, что не может этого сделать. Сама мысль о том, что он получает от этого удовольствие, казалась ему преступной. Как он может проявить инициативу?

Кем он тогда станет в собственных глазах?

Ши Цин мгновенно распознал его внутреннее сопротивление.

Он вкрадчиво взял Инь Минчжэна за руку, выдвигая козырь, перед которым этот человек с его гипертрофированным чувством долга не смог бы устоять:

— Ты ведь очень хочешь выйти из этой комнаты и осмотреть корабль? Если ты примешь активное участие в нашей процедуре, я позволю тебе выйти.

— Всего один раз. Только один, — юноша принялся легонько раскачивать его руку, мастерски пуская в ход всё своё обаяние. — Ну пожалуйста. Всего один разочек, договорились?

Инь Минчжэн посмотрел на него. В сияющих глазах Ши Цина он словно увидел того самого леопарда, который, предвкушая успех, весело помахивает хвостом и ждёт, когда жертва сама прыгнет в яму.

За эти несколько дней он, хоть и был несколько увлечён... кхм... процессом, всё же сумел кое-что разузнать. По крайней мере, он составил примерный портрет хозяина этого корабля.

Ши Цин был наивен, но далеко не глуп. При всей своей чистоте он обладал поразительной способностью к обучению. Он легко поддавался на уговоры, но при этом виртуозно использовал капризы и лесть для достижения своих целей. И чем дольше они общались, тем яснее Инь Минчжэн понимал: если бы не пропасть между их мирами, он мог бы по-настоящему привязаться к этому юноше.

Но он оставался человеком.

Как бы добр и мил ни был Ши Цин, он всё равно намеревался вечно держать его здесь, в этой стальной клетке.

Инь Минчжэн заставил себя подавить голос совести и чувство вины. Он осторожно привлёк подростка к себе, ощущая его прохладную, мягкую кожу. Прикрыв глаза, он позволил слабой улыбке коснуться губ и склонил голову.

Покорность Ши Цина жгла его сердце калёным железом.

«Я сознаю, что поступаю подло, — Инь Минчжэн притянул юношу ближе. — Я лжец. Наступит день, когда я брошу его и покину этот корабль»

«Будет ли Ши Цин горевать тогда? Прольются ли слёзы из этих прекрасных, чистых серебристо-белых глаз?»

Наконец Инь Минчжэн отстранился. Глядя на Ши Цина, который, разомлев, прильнул к нему, он почувствовал, как тяжесть на душе становится почти невыносимой. Его взгляд встретился с сияющими глазами юноши, полными восторга.

Он обманул его. Этого искреннего, доверчивого инопланетного ребёнка.

— Ну вот... Пойдём осматривать корабль?

Ши Цин невинно захлопал ресницами:

— Какой ещё корабль?

Инь Минчжэн нахмурился:

— Ты же обещал выпустить меня, если я проявлю инициативу.

Инопланетный подросток вскинул подбородок:

— Неправда!

— Я сказал — десять раз! Десять!!

Он смышлѐно выставил вперѐд ладони, загнул один палец и просиял от самодовольства, точно охотник, чья ловушка наконец захлопнулась:

— Мы выполнили программу только один раз. Осталось ещё девять.

— Давай, приступай к остальным.

Заявив это с нескрываемым торжеством, Ши Цин выпятил губы, всем своим видом показывая, что ждѐт продолжения.

Инь Минчжэн несколько секунд молча смотрел на него. Затем его губы невольно дрогнули в улыбке. Он крепче обхватил юношу, притянул его к себе и, наклонившись к самому уху, прошептал низким, бархатистым голосом, в котором слышался сдержанный смех:

— Маленький плут.

[Дзынь! Уровень отторжения Инь Минчжэна: 90/100]

<http://bllate.org/book/15834/1428017>